

Глава 11. Стрелецкий курень Мглинской сотни

Стрельцы – специализированное формирование казацкого сословия края

Особенностью казацкого населения Мглинской сотни было значительное наличие в ней отдельного формирования казаков, для которых охота составляла их основную службу Войску Запорожскому.

Требуемые при охоте специальные навыки, которые вырабатываются только временем, изготовление годных для охоты орудий, на что потребны подчас довольно солидные материальные средства, стали предпосылкой того, что охота, как промысел, стала постоянным занятием некоторой группы населения, называвшихся «стрельцами».

Стрельцы в крае были известны еще со времен Речи Посполитой. Казацкое движение при Богдане Хмельницком, освободив все малороссийское население от панской неволи, сделало свободными от нее и стрельцов. Повинность, отбываемая раньше стрельцами, должна была или совсем превратиться или же измениться в соответствии с новыми реалиями.

Стрельцы как отдельная служилая группа казацкого населения постепенно формируется с конца XVII века в тех полках Малороссии, которые имели подходящие для охоты природные условия. Вполне вероятно, что мглинские стрельцы – это непосредственные потомки тех прежних стрельцов, для которых охота была их главным промыслом еще в эпоху польского владычества.

Ярко и красочно особенности охоты в крае изложены в очерке Николая Андреевича Лишина, получившего в 1884 г. от своего отца, генерал-лейтенанта Андрея Федоровича Лишина, имение Нивное, переданное ему согласно старым малороссийским законам как младшему сыну, имеющему потомство.

О мглинских лесах Н.А. Лишин пишет: *«Это было такое Эльдorado, о котором в настоящее время можно только разве мечтать, говорить же как о действительном может только тот, кто ради истины, не боится обидного подозрения в преувеличениях, естественно могущего закрасться в душу читателя. За исключением кабана и оленя, всякий зверь и всякая дичь, свойственная средней полосы Европы, здесь держалась в изобилии. На пространстве 30-40 квадратных верст, каждую зиму, смело можно было рассчитывать на 3-4 медвежьих берлоги, не считая шатунов, появившихся в здешние леса из соседних местностей. Множество бортей (пчелы в выдолбленных или естественно образовавшихся дуплах крупных деревьев),*

изобилие разных ягод, целые холмы муравейников, помимо многих других благоприятных условий, привлекали в здешние леса медведей. Еще и теперь уцелело немало бортевых сосен, на которых я сам видел не раз, уже в 60-х годах, следы когтей косолапого Мишки»¹.

Громадные пущи и леса Черниговщины и Стародубщины побуждали малороссийскую старшину организовать и поддерживать стрелецкий промысел. Первоначально стрелецкий промысел был связан с интересом, проявляемым к нему домами полковников. Первым это осознал и принял стрельцов под свое покровительство черниговский полковник Дунин-Борковский.

Своим универсалом от 1677 г. Борковский принимает стрельцов под свою протекцию и освобождает от власти сотников: *«...абы вси помененные стрельцы у живаючи волности козацкой посполу з атаманом своим, завше старанье ложили около лову зверинного и прислугу тим чинячи на лепшую ласку нашу заробляли, не поносячи ни от кого в домах своих жадное долегливости; за чим ведаючи о такой воли нашей, ваша милость панове сотникове тих всих у листу сем менованных стрелцов до своей службы козацкой абисте не потягали и послушенства стрелецкого, гди роскажет атаман стрелецкий, не отривали».*

Этим универсалом Борковский поставил стрельцов в ряды привилегированного казацкого «товариства». Следующие полковники не только подтверждают права, дарованные стрелецкому атаману Борковским, но и расширяют их.

Значительную по численности категорию населения стрельцы составляли в Стародубском полку, где они проживали преимущественно на территории Мглинской сотни и подчинялись собственному атаману стрелецкого куреня.

Записавшись после изгнания поляков в казаки, они несли стрелецкую службу, промысляя зверя и птицу для обихода гетманов и полковой старшины. Из среды стрельцов выделились еще и «бобровники», которые специализировались на ловле бобров и тоже составили особый курень, но незначительный по численности.

Получая охранные универсалы сначала от полковников, а потом от гетманов, которые брали их под свою протекцию при условии отбывания службы своим промыслом, мглинские стрельцы заняли особую нишу в социальной структуре Войска Запорожского².

Согласно универсалу Ивана Скоропадского от 11 февраля 1708 года, в данной сотне было *«установлено на стрелецкой повинности человека 24»*. В течение XVIII в. численность местной стрелковой общины росла за счет новых лиц. Это зафиксировано в жалобе мглинчан стародубскому полковнику Дурову от 1730 г.,

¹ Лишин Н.А. Особенности охоты в моем родовом имении селе Нивном в 1885 году. <http://old.mglin-krai.ru/Tvorchestvo/OhotaVNivnom.htm>.

² Корноухов Е. Судьба бобровников, стрельцов и птичников Черниговской губернии. // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. Вып. 10. – Чернигов, 1913; Васильева О.О. Стрільці в структурі козацького стану (друга половина XVII–XVIII ст.). // «Гілея: науковий вісник»: Збірник наукових праць. Випуск 52. – К., 2011; Пирог П. Из истории лесных промыслов на Черниговщине во второй половине XVII—XVIII вв. // Сиверянская летопись. № 3, 2006.

в которой мещане, жалуясь на уменьшение количества ратушных сел и посполитых в них, указывали, что 3 двора в этих селах вписались в стрельцы. По сведениям Экономической канцелярии во второй половине XVIII в. в Мглинской сотне уже насчитывалось 40 стрельцов, а на момент проведения Румянцевской описи их количество в сотне достигло 130 дворов и 40 бездворных хат. В с. Шумарово – 18 дворов и 6 хат, д. Писаревка – 14 дворов, с. Великая-Дуброва – 2 двора 1 хата, д. Калинки – 7 дворов 1 хата, д. Суражичи – 4 двора 4 хаты, х. Дубровка – 2 двора 4 хаты, д. Кипти – 3 двора 2 хаты, д. Рудня-Шумаровская – 3 двора 1 хата, с. Лопазна – 22 двора 8 хат, д. Минивка – 7 дворов 2 хаты, с. Ляличи – 2 хаты, с. Высокое – 2 двора 1 хата, с. Нивное – 22 двора 2 хаты, с. Драков – 9 дворов 3 хаты, д. Велюханы – 16 дворов 5 хат.

Универсалы, выданные стрельцам Мглинской сотни, фиксируют их подчинение именно гетманскому двору со времен правления Ивана Мазепы. В универсале Ивана Скоропадского от 11 января 1719 г., адресованном стародубскому полковнику и мглинскому сотнику со старшиной, было указано, что *«еще за антецессора нашего Матвей Миронович, атаман стрелецкий, в Мглинской сотне мешкающий з всем своим товариством, в той же сотне найдующимся, належал до двору гетманского и половом зверинним отбувал свою повинность»*³.

Следовательно, такая подчиненность стрельцов («при дворе нашем») была Скоропадским закреплена, а затем по просьбе стрелецкого атамана Тимоха Казеки подтверждена в феврале 1723 г. и Павлом Полуботком: *«Они по давнему обыкновению до власти гетманской належали, зверем и птаством свою належность отбували»*. Принадлежность к гетманскому двору мглинских стрельцов была утверждена и гетманами Даниилом Апостолом (универсал от 13 октября 1730 г.) и Кириллом Разумовским (универсал от 18 октября 1751 г.).

При назначении гетманом Кирилла Разумовского ему были подарены все малороссийские доходы за 15 лет, а также были отданы «на булаву» все бывшие гетманские маетности. Стрельцы в силу этого указа также отдавались под гетманскую протекцию в ведомство Экономической канцелярии. Своими универсалами Разумовский тоже подтвердил стрельцам вольности, дарованные прежними гетманами. После уничтожения Екатериной II гетманства, стрельцы поступили в ведение Малороссийской коллегии, оставаясь изъятыми из подчинения местной администрации сотников.

Переход стрельцов некоторых полков, под прямое подчинение гетману был связан с разрастанием структур гетманского двора, возрастанием его численности и необходимостью поддержания соответствующего уровня статусного положения, что, соответственно, вызвало потребность в значительных поставках «дичины».

³ Плохинский М. М. Материалы для истории внутренней жизни Левобережной Украины. //Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 3. – Харьков, 1891.

Таким образом, мглинские стрельцы подчинялись непосредственно гетманскому двору, а стрелецкие формирования других полков, как правило, относились к двору полковничьему. Однако, несмотря на такие вариации в подчиненности, права и обязанности стрелецких общин были сходными.

Пребывая под протекцией гетмана, мглинские стрельцы были выведены из подчинения местных органов власти, и управлялись выборными атаманами, которым они «подлежащее повиновение и послушество отдавали». Атаманы выбирались всей общиной, но утверждались в своей должности гетманом или полковником соответствующего полка. С 1727 по 1767 г. должность атаманов стрелецкого куреня Мглинской сотни занимали Тимофей Козека, Матвей Миронович, Никита Дубина, Онуфрий Колбаса и Онуфрий Никеенко, Дмитрий Лисейцев, Харитон Григорьев.

Вольности и служебные повинности стрельцов

Особые права и привилегии стрельцов, как и специфический характер их службы, получили юридическое оформление в гетманских и полковничьих универсалах, выдаваемых стрельцам начиная с последней четверти XVII в. Кроме ловли и охоты на диких зверей, обязанности стрельцов состояли в поставках звериных шкур и меда. Первоначально повинности были натуральными, а их размеры долгое время оставались неизменными.

Главная обязанность стрельцов состояла в добыче зверя *«з атаманом своим около лову звериною и заробляли нашу ласку»*, – читаем в универсале Борковского 1677 г. *«Стрельцы ни чем другим, как только зверям с тех пуц вигоду повинны отдавать гетману»*, – предписывает универсал 1686 г., а также *«стрельцы, при лесах живучи, повинни старатися на кухню рейментарскую всякой зверины»*, – утверждается в универсале 1708 г.

Для добывания зверя и птицы, стрельцам гетманскими универсалами был открыт доступ во все леса и пущи, в чьих бы владениях они ни были. Разрешалось устраивать там приманки, ставить силки, стрелять зверя и птицу. С целью сохранения убитой дичи, стрельцы охотились в более холодное время – осенние, зимние и первые весенние месяцы обыкновенно посвящались охоте. Тем самым, стрелецкий промысел органически дополнял сезонные работы крестьянского хозяйства, связанные с полевым земледелием.

Дичь, добываемая стрельцами, доставлялась или к полковничьему двору или к гетманскому или, наконец, царскому. В царствование императрицы Анны Иоанновны для пополнения придворных зверинцев стрельцы должны были доставлять в Петербург в живом виде, диких коз, сайгаков, кабанов.

В царствование Елизаветы Петровны, особенно во время гетманства Разумовского, дичь ко двору доставлялась в громадном количестве. Когда прошла пора увлечений молодости, время танцев и балов, Елизавета Петровна отдалась увлечению гастрономическими наслаждениями – пышные ужины заменили

собой танцы. Благодаря фаворитству Алексея Разумовского все малороссийское при дворе было в моде и на придворных пирах являлись малорусские блюда, что требовало увеличения поступающей от стрельцов дичи.

Вот перечень дичи, отправленной в Петербург только за два года: «В 1750 г. 1 кабан, 14 диких коз, 5 дроф, 11 пар оробок, 215 пар куропаток, 50 пар тетеряков; в 1751 г. 1 лось, 8 диких коз, 130 пар куропаток». В течение 13 лет непрерывно поставлялись кабаны, лоси, олени, дикие козы, а также мелкая дичь (дрофы, куропатки, рябчики, тетерева, гуси, зайцы), которые ловились на всем пространстве Левобережья Малороссии.

Особым любимым блюдом были дрофы – во всех посланиях о ловле дичи для царского двора всегда прибавлялось: «...приложить особенное старание к стрелянью дроф».

Семейство дроф

Но дрофы скорее прочей дичи портились в дороге, поэтому из Петербурга прислали особый рецепт их обработки перед отправкой. Дрофы следовало «первое взять очистить, то есть ощипать хорошо, выпотрошить, опалить, положить в бочонок, пересыпать солью и пряным кореньем: перцем, имбером, лавровым листом, васильками сухими или, ежели есть, свежими, луку очистить, тут же нарезать и положить все оное в одно место и налить крепким уксусом».

Чтобы скорее доставить и тем предохранить дичь от порчи, она отсылалась почтой или, чаще, нарочными. Все расходы на доставку оплачивались из войскового «скарба». Следствием такого пристрастия к дрофам стало их тотальное уничтожение в крае. В настоящее время охота на дроф запрещена, а эти большие и красивые птицы занесены в Красную книгу.

Для выполнения своей специфической службы, стрельцы получали преимущественное право свободной охоты и ловли зверей, тогда как другие лица, под угрозой потери добычи и ружей, заниматься стрелецким промыслом права не имели.

Никто, какого бы он звания ни был, не должен был чинить стрельцам при их занятиях охотой никакой помехи. Напротив, население было обязано давать стрельцам хлеб, соль, другую провизию, когда они углублялись в леса. Зверей стрельцы убивали, затравливали собаками, или ловили сетями. Все приспособления для этих целей, ружья и порох стрельцы должны были иметь свои.

Для доставки продукции до пункта назначения стрельцы имели право получать подводы от местного населения. Чтобы добытая дичина не испортилась, предписывалось находить наиболее быстрые подводы, а в местах ночевки для упреждения краж выставлялась стража. В то же время, чтобы избежать злоупотребления стрельцами своими полномочиями, универсалами гетманов предупреждалось, что стрельцы не имеют права требовать еду и алкогольные напитки.

Принадлежа к казацкому званию, стрельцы, кроме охоты на дичь, должны были отбывать и воинскую казацкую службу. Так, гетман Даниил Апостол в универсале своем писал, что *«когда до походу военного случай позовет, то бы он атаман стрелецкий знал при дворе нашом войсковую службу без жадных ухилиок»*⁴.

Участвуя в военных походах, они находились при гетмане и представляли нечто вроде гетманской гвардии. Но так как, начиная с гетмана Скоропадского, гетманы в походы не отправлялись, то и стрельцы, вероятно, в военных походах участия не принимали. Позднее, когда казаки вообще стали тяготиться военной службой, то, повинувшись общему течению, стрельцы уклонялись от нее. Этому способствовала и Генеральная канцелярия, предписывая сотникам и полковникам без своего указа не употреблять стрельцов ни в какие наряды: *«...абе и тепер реченние стрелце от сотенних и градских повинностей били свободни, по прежнему обыкновению, и на караули их никуда не висилано б, аби ж они издавна особливо по званию своему стрелецкую службу и повинность, куда надлежит, отбувають»*⁵.

Мглинские стрельцы, находясь под протекцией гетманской власти, были изъяты из ведомства местной власти, однако часто встречали притеснения от собственников земель и лесов, сотников, атаманов и других местных чинов.

⁴ Универсал гет. Апостола стрельцам Мглинской сотни 1727 г. // Плохинский М. М. Материалы для истории внутренней жизни Левобережной Украины. //Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 3. – Харьков, 1891.

⁵ Указ Кутневсаго. О безпрепятственной ловле дичи стрельцами Мглинской сотни 1723 г. // Плохинский М. М. Материалы для истории внутренней жизни Левобережной Украины. //Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 3. – Харьков, 1891.

В актах и жалобах того времени то и дело встречаются указания на притеснения со стороны местных властей, особенно сотницкой, как наиболее близко стоящей. В 1709 г. стрельцы Мглинской сотни жаловались на то, что сотник хотел завладеть их грунтами в маестности своей Лопазне, а их самих «отягощал драгунскими станциями».

Помимо местной власти притеснителем стрельцов выступали все крупные землевладельцы («державцы») лесов и пуц, куда, в силу универсалов и указов, им должен был быть открыт беспрепятственный доступ, в чьих бы они владениях ни были. Такая широкая свобода стрельцов в их промысле не нравилась державцам, ибо, по их понятию, это нарушало права их собственности. Державцы или их приказчики, старосты, всячески противодействовали охоте стрельцов в своих владениях – отнимали оружие, застреленную или пойманную дичь.

Так, например, 26 августа 1755 г. стрелецкий атаман Матвей Митеенок подал такую жалобу, когда стрельцы *«Борис Яковлев, сын Колотило, с товарищи за добычу на дом его Ясневельможности зверины и птаства, убили почепской сотне в грунтах бунч. тов. Василя Гудовича за деревню Комаровкою в лесе медведя, котораго оны в свой курень и отъпроводили безъпрепятственно, то староста де онаго Гудовича Янджул, уведав о оном добитом ими медведе, насилал в село Староселье, где оны, стрелцы, живут, людей своих с требованием отъдачи кожи того убитаго медведя; но егда де оны стрелцы отказали, что оную должны представить в дом его ясно вельможности, то де оный староста, первые поймавши в пуци господина своего вышъпомяутаго стрелца Колотилу, взяв привел в дом господина своего, в селе Иваантенках состоящей, держал под караулом в амбаре чрез сутки; а потом де подослав своих людей з ружьем под село Староселье и в конюха их того ж Колотили забрав гвалтом двоих кобылиц, кои и ныне в его старосте содержатся, и тогда де онаго Колотилу отпустил с под караулу; а притом де помянутый староста оному Колотиле наказывал, чтоб, как он, так и никто з стрелцов не токмо внутр оной пуци, но и на грунта за добычу зверины и птаства не ходили, а ежели де будут ходить, то де переловывши, он староста позабывает всех стрелцов в смерть».* И хотя Янджуле Генеральная канцелярия приказала возвратить лошадей, но он так этого и не сделал.

Насколько опасной могла быть охота стрельцов на медведя, нам наглядно и образно показывают драматические сцены, запечатленные в картинах некоторых художников.

К этому присоединялись захваты стрелецких грунтов и их скупка, сопряженная иногда с насилием. Указы, которыми запрещалось скупать казачьи земли, малороссийская старшина перетолковывала в свою пользу, утверждая, что в указах говорится о казаках и казачьих землях, но о стрельцах не упомянуто ни слова. На разъяснение же Генеральной канцелярии, что стрельцы те же казаки, а потому указ о запрещении относится и к стрельцам, старшина не обращала внимания. Давление державцев на стрельцов с этой стороны было настолько сильно, что иногда стрельцы, отказываясь от своего привилегированного

положения, просили отдать их под власть сотников, думая найти под опекой этой власти защиту от притеснения малороссийских державцев.

Имея в своем распоряжении земли, а главное пушцы и леса, в которых только они одни могли охотиться, стрельцы, должны были нести определенную повинность за свой промысел.

Охота на медведя с рогатиной

Натуральная повинность стрельцов заключалась в доставке звериных шкур и меда. Стрельцы Мглинской сотни должны были вносить по 20 шкур куницы и 10 пудов (160 кг.) меда ежегодно, а когда куница стала исчезать, должны были *«доставлять по 20 лисьих, да, кроме того рысьих, сколько по промыслу их стрелчому можно буде добути»*.

С уменьшением количества зверя натуральная повинность была переведена в денежную. Переход от выполнения натуральных повинностей к выплате денег за них, был связан с учреждением Малороссийской коллегии. В связи с упразднением Екатериной II структур гетманского двора, который был основным потребителем добываемой стрельцами продукции, вышло распоряжение вносить денежную плату за диких зверей, зайцев и «рябцев».

После ревизии, произведенной в стрелецком курене в 1756 г. бунчуковым товарищем Губчицем, стрельцы мглинского куреня были положены в оклад и с них велено было собирать по 393 руб. 84 коп. в год. Денежный оклад собирался, вероятно, до 1775 г., когда по случаю заключения мира с Турцией был уничтожен оброк со звериных и птичьих промыслов.

Утрата стрельцами своего социального статуса

Стрелецкий и бобровый промыслы из-за истребления зверя начал постепенно падать и прекратился к концу XVIII в. В 1782 г. число бобровников, стрельцов и «пташников» в Черниговской губернии достигло солидной цифры – 1098 душ, хотя повинностей своих они уже не отбывали. Черниговская казенная палата постановила обложить бобровников и стрельцов податью наравне с казенными посполитыми.

Однако Черниговский губернский прокурор Селецкий с этим определением казенной палаты не согласился. Выводя происхождение стрельцов и бобровников из казаков, а также наличности гетманских универсалов, предписывающих быть им в ведомстве Малороссийской коллегии, высказался за причисление стрельцов и бобровников в одну статью с казаками. С таким заключением прокурора Селецкого согласился малороссийский генерал-губернатор Румянцев и сама казенная палата. Дело поступило в 1784 г. на рассмотрение в Правительствующий Сенат.

Сенат обратил внимание на чрезмерное увеличение стрельцов и бобровников по сравнению с положенным штатом их по гетманским универсалам, и указом от 7 мая 1786 г. предписал казенной палате, «выправясь со всякою верностию», доставить в Сенат обстоятельное объяснение, «из какого звания, когда и кем столь великое число в стрельцы и бобровники причислено людей».

Но при Екатерине II новые чиновники о стрельцах, бобровниках, их правах и заслугах забыли, ими не интересовались. Черниговская казенная палата для получения требуемых Сенатом сведений запросила городничий нижний земский суд. От суда был получен ответ, что *«повеленного ему исследования учинить не с чего и не удобно, ибо де по выправке судом с делами его, в каком числе стрельцам и бобровникам быть положено, кем, когда и из какого звания люди умножены, никаких сведений забрать невозможно, и где таковые об них дела находятся – неизвестно»*.

Дело в Сенате о бобровниках и стрельцах тянулось около 15 лет и все же не могло получить окончательного разрешения. Толчок к решению его был дан самими бобровниками и стрельцами, или, вернее, их наследниками. Вероятно, желание быть в звании казаков, платить подушную подать в меньшем размере, чем платили крестьяне, а также стремление к восстановлению своих прав по владению землями побудили бобровников и стрельцов в 1799 г. обратиться с прошением о возвращении их из подушного оклада в прежнее казацкое звание. По этому прошению в Сенате было заведено дело, озаглавленное: *«По прошению поверенного от стрельцов, бобровников и пташников Михайловскаго, жалующагося,*

что они записаны при ревизии в подушный оклад, просящего об обращении их в прежнее казачье звание»⁶.

Михайловский был человек малограмотный, но для написания прошения он нашел лицо достаточно осведомленное, которое сделало свое дело вполне добросовестно, изложив по документам историю службы и права просителей.

В этом прошении было изложено, что *«жительствовавшие в 34-х селениях с местечками, поветов Черниговскаго, Сосницкаго и Новгородско-Северскаго, между разными и мелкопоместными владельцами и разночинцами, в числе 1515 мужска пола душ, происходящие из козаков прежней службы всероссийскаго престола, стрелчого, бобровничаго и пташичнаго промысла, решили принести всероссийскому престолу все свои крайнейшие общественные нужды и обиды»,* заключающиеся в следующем.

«Занятия стрельцов, бобровников и пташников определены были в угоду службы всероссийскаго престола из козаков в Малой России, вошедших в другие годы в подданство Российской державе, еще по пунктам гетмана Богдана Хмельницкаго из шляхтичей Польскаго владения».

В прошении указывалось, что права стрельцов и бобровников были утверждены Черниговским полковником Борковским в 1677 году, а затем подтверждались прочими полковниками и гетманами Скоропадским, Апостолом и Разумовским, Войсковой канцелярией и Малороссийской коллегией.

Просители указывали, что более 120 лет назад было определено *«стрельцов 40, бобровников 40 и пташников 8, а всего 88 человек, чрез столь же долгие времена и лета, умножилось их в каждом доме брачным союзом, от приема к мужску пола женена, вышеуказанное число—1515 душ».*

«Прежняго стараго обыкновеня служба стрельцов и бобровников в том была, что они дополняли со всех внутр России пуц и рек, от своего искусства и немалокоштовнаго инструменталнаго припасу, добытием и ловлею, разной звер и птаство, как для посылки того к Высочайшему двору, так и для домов гетманских; в пристойной при всем том волности козацкой, без каждых походов, кроме толко, когда сам гетман в поход пойдет, то и они с ним туда же следовали, и действительно находились в заграничных военных походах при войсковому генеральному обозному Якову Лизогубу и при генерал-аншефу Румянцеву в 1738 и 1739 и по ним следующих годах, в крепостях на Украинской линии, Свято-Алексеевской и Ефремовской, о чем имеются письменные документы. Кроме того, имели свободу в домах своих от постоев, взимания под проезжающих подвод и корму и даже винным курением и шинкованьем пользовались».

В дальнейшей части своего прошения Михайловский жаловался на притеснение стрельцов, захват их земель, длинную волокиту по судам, говоря, что *«ежели изследовать сторонними от сего края верно присяжными комиссиянтами, то вряд ли у того состояния людей и третья часть добр недвижимых осталась, и кажется не мало таковых, что и вовся вытиснуты за одиночеством и беспомощием таковым, что не токмо не в состоянии защищать себя*

⁶ К прошению Михайловскаго приложено 4 копии из документов.

по судам, но даже государственных податей уплачивать и себя с семейством пропитать не могут».

Приписку стрельцов и бобровников в подушный оклад и объяснения палаты Михайловский признавал неправильным сообщая, что Черниговская палата сделала исследование и выправку только на основе донесения одного Городницкого нижнего суда. В результате, она донесла Сенату, что стрельцов положено было 40 человек. Между тем были, происходившие из казаков, не одни стрельцы, но бобровники и «пташники», всего 88 чел., и не в одной Черниговской, но и в Новгород-Северской губернии, которые умножились за 121 год от брачных союзов. Поэтому выправка Черниговской казенной палаты, сделанная по одному лишь своему ведомству, является недостаточной.

По этим основаниям, признавая, что хотя промыслов стрельцов и бобровников уже не существует, Михайловский просил исключить их из казенного подушного оклада и обратить в начальное казацкое звание.

2 июля 1800 г. в Правительствующем Сенате состоялось разрешение дела о бобровниках, стрельцах и «пташниках». Сенат нашел причисление Черниговскою казенною палатою бобровников и стрельцов в оклад с казенными крестьянами основательным и не согласился с мнением Румянцева-Задунайского об исключении их из подушного о оклада, по следующим основаниям.

Хотя начальное происхождение их было из казаков и к этому же званию причисляет их и гетманское предписание, но количество бобровников и стрельцов тогда же было ограничено, ибо стрельцов было только 40, а бобровников по универсалу Самойловича 2. *«Более же того в сие звание им собою никого из козаков и посполитых, без позволения гетманскаго, принимать не велено».*

А при ревизии их число было доведено до 1098 душ мужского пола. Умножено это количество, как видно из донесения казенной палаты, не по гетманским универсалам, а самовольно самими стрельцами, бобровниками и «пташниками», вступлением к ним людей разного звания: разночинцев, владельческих посполитых, выходцев из Польши. Но сколько из них осталось потомков от прежних стрельцов, бобровников и «пташников», которым гетманскими универсалами сказано быть в числе казаков, губернским прокурором и казенною палатою не доведено. При бывших гетманах стрельцы, бобровники и «пташники» не были изъяты от денежного оклада, но платили его в экономическую гетманскую канцелярию, а с открытием губерний поступили с прочими казенными посполитыми в ведомство бывших тогда директоров Экономии и нижних расправ.

Руководствуясь указом от 3 мая 1783 года, по которому велено для получения казенных доходов и в прекращение всяких побегов, каждого оставить в том звании, в каком он при 4-й ревизии написан, Правительствующий Сенат определил: *«Означенным бывшим стрельцам, бобровникам и пташникам подлежит остаться и быть в том звании и окладе, в каком они по бывшей 4-й и последней 5-й ревизии написаны».*

Таким образом, с уничтожением гетманской власти, стрелецкий и бобровый промысел начал угасать, и к концу XVIII в. прекратился совсем. А когда в июле 1800 г. Правительствующий Сенат рассмотрел дело о бобровниках и стрельцах, они из привилегированного казацкого сословия, находящегося непосредственно под протекцией гетмана, были превращены в казенных крестьян. Мы же, их потомки, сегодня часто даже не имеем никакого представления о том, как наши предки из привилегированной «охотничьей касты» были переведены в сословие казенных крестьян.

